

Михаил Кликин

Иван Иванович

Михаил Кликин
Иван Иванович

Серия «Деревенские истории», книга 3

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180530

*Когти неба. Книга, которую страшно читать на ночь: Азбука-классика; М.: 2008
ISBN 978-5-91181-899-9*

Аннотация

«Ночью была буря, и старая гнилая липа, не выдержав натиска стихии, переломилась пополам и рухнула, накрыв покосившийся сруб колодца.

Досталось и другим деревьями – растущие вокруг пруда кряжистые вётлы разбросали по мелкой гнилой воде ободранные ветки, одичавшие яблони растеряли невызревшие еще яблоки, а растущая на пригорке сосна лишилась огромной лапы и сделалась жалкой, будто зверь-инвалид.

Но вот липа!..»

Михаил Кликин

Иван Иванович

Ночью была буря, и старая гнилая липа, не выдержав натиска стихии, переломилась пополам и рухнула, накрыв покосившийся сруб колодца.

Досталось и другим деревьями – растущие вокруг пруда кряжистые вѣтлы разбросали по мелкой гнилой воде ободранные ветки, одичавшие яблони растеряли невызревшие еще яблоки, а растущая на пригорке сосна лишилась огромной лапы и сделалась жалкой, будто зверь-инвалид.

Но вот липа!..

Баба Маша вздохнула.

Липу эту посадил её старший брат Фёдор в тот день, когда уходил на фронт.

«Я тут у дедушки одного был, – негромко сообщил он, отведя сестренку в сторону. – Он мне всё и посоветовал. Я, значит, этой липе в корни свои волосы положил, и рубаху старую. Всё сделал, как дед велел. Теперь если со мной что случится, то дерево вам и покажет.»

Не верила школьница Маша в подобные глупости, суевериями их называла, но вскоре пришлось ей мнение своё переменить. Девятого июля в грозу ударила в деревце странная, тонкая, будто веревка, молния, оставила на стволе выжженный след. А через два месяца вернулся домой скорчен-

ный, почерневший лицом Фёдор. Прихрамывая, подошел он к липе, тронул рукой изуродованный ствол, сказал тихо: «А дед-то не наврал».

И только Маша поняла, о чем это он.

Так и не оправилось после той грозы дерево. Росло, вроде бы, тянулось вверх, да ела его потихоньку чёрная внутренняя гниль. Всю войну и еще двадцать лет после председательствовал в колхозе Фёдор, крепко тянул государственное хозяйство, никогда о болячках своих не вспоминал, не жаловался, только на липу посматривал, да на людях, посмеиваясь, жалел ее вслух.

Умер он как-то тихо, незаметно, – один в своей подследповатой избёнке. И в день похорон, в августе месяце, липа вдруг сбросила всю листву и завернулась в невесть откуда взявшуюся густую серую паутину.

Через несколько лет она всё же оправилась, зазеленела кроной, и даже чёрный рубец немного затянулся. Может, потому, что Маша стала ей под корни закапывать свои волосы, а может по какой другой причине.

Уж не Иван Иванович ли тогда помог умирающему дереву?..

Качая головой, баба Маша обошла кругом накрытый липой колодец.

Что ж теперь делать? На ключ, что ли, за водой ходить? Далек. Да и нечищенный он вот уж сколько лет. Затянулся, чай, грязью...

Подобрав оставленные на тропинке вёдра, баба Маша направилась к соседскому дому.

* * *

Утехово большой деревней не было никогда. В лучшие дни – до пожара – было здесь двенадцать дворов. Дети бегали учиться за шесть километров в Лазарцево: там помимо школы и сельмага имелся, и клуб с библиотекой и бильярдом, и баня общественная.

Но вот надо же! Пришло время – сравнялись деревни: что в Утехове два дома осталось жилых, что в Лазарцево. И будто отодвинулись они друг от друга, не шесть километров разделило их, а все шестьдесят. Прямая дорога заросла, брод через речку тиной затянулся, лес на прежние луга да на пашни выбрался. Раньше дети за час в один конец бегали. А старикам теперь чуть не весь день тащиться надо.

Вот и не ходит теперь никто из Утехова в Лазарцево. Надобности нет: магазин давно закрылся, баня сгорела, клуб на дрова разобрали. А весточку, коли захочется, можно и через Лёшку Иванцева передать, когда он из райцентра на своей «Ниве» прикатит, хлеб, чай, да сахар на продажу привезет – а заодно и проверит, не померли ли одинокие старухи, живы ли еще окруженные лесом деревни.

Соседка выглянула, стоило бабе Маше несильно стукнуть пальцем в оконное стекло.

– Видела, чего ночью-то было?

– А то как же! Боялась, что крышу сдует.

– Липу мою завалило. Прямо на колодец. Теперь не по-дойти.

– Ты погоди, я щас...

Створка окна стукнула, скрипнул шпингалет.

Баба Маша отвернулась, привалилась боком к бревенчатой стене. Прищурясь, из-под руки глянула на изувеченную сосну, горестно покачала головой.

Неспокойно ей было.

Ну как неспроста липа-то сломалась! Может, знак это?

Ох, не надо было волосы ей в корни подкапывать!..

Соседка вышла, кутаясь в серую шаль, опираясь на можжевелевую клюку:

– Пошли, поглядим, что ли, чего там за беда случилась. А я нынче из дома-то не выходила. Курей только выпустила со двора. Нездоровится мне что-то. Печку даже затопила – знобит.

– Так ведь, чай, не двадцать лет, – рассеяно ответила баба Маша.

Идти далеко не пришлось – колодец был рядом, за дрова-

ным сараем, за гнилым остовом комбайна, за разросшейся сиренью.

– Вот, – сказала баба Маша, широко разводя руками. – Нам тут, Любаша, самим не управиться.

– Да-а, – протянула соседка, медленно обходя колодец и рухнувшую на него липу. – А, может, трактором её оттащить?

– Тогда совсем сруб развалится. Надо хотя бы сучья все поотрубать, но мы туда ведь и не подлезем... Не бабская это работа, Люба. Иван Ивановича надо звать.

– Ой, не знаю... – повела плечом баба Люба. – Не хочется мне его попусту тревожить.

– Опять ты заладила! Какое ж это попусту?! И так целое лето его не трогали! Дел-то, дел-то сколько уж накопилось: навоз надо выгрести, сено повалить, дров хоть сколько-нибудь припасти. Хватит, чай, нагулялся за лето. Осень на носу, картошку надо будет в подпол стаскивать. Или тоже всё сама собралась делать?

– Может и сама, – тихо сказала баба Люба. – Ты, Марья Петровна, не ругайся. Я ведь не просто так... Я ведь... Боюсь, не пойдет к нам больше Иван Иванович.

– Это как это?

– А вот так... Последний раз по весне, помнишь, мы его звали? Он уже тогда недовольный был. Сердился.

– На что?

– На то, как встречаем его, как благодарим. Пирогам ему

приелись, блины надоели. Скучно ему у нас, вот что. Позовем его, он придет, глянет, что ничего не изменилось, развернется – только мы его и видели.

– Да как же это, – растерялась баба Маша. – Как же мы без мужика-то будем? Ты точно знаешь, что говоришь?

– А ты у него сама спроси.

– Смеешься? Или забыла, что я его мычание не разбираю?

– Говорю: уйдет он, если уже не ушел. Давно я его не встречала. Почитай, с мая месяца...

* * *

С Иван Иванычем баба Люба познакомилась давно – то ли еще при Сталине, то ли уже при Хрущеве. Она тогда обкашивала лесные полянки – заготовливала для козы сено. Дело это вроде бы было разрешенное, но молодуха Люба, как и прочие крестьяне, на всякий случай таилась. Окрестные луга сплошь были колхозные, то есть государственные, даже те, где трава сроду косы не знала. Попробуй там хоть краешек литовкой обкорнай – не поздоровится. Потому селяне перестраховывались: утром – затемно – ходили с косами на неудобные лесные делянки, вечерами – в сумерках – носили беремем сухое сено.

Люба таилась вдвойне. Разные слухи шли о ней по округе, говорили, что травница она, знахарка то ли Божьим даром, то ли чёртовым проклятьем, – и она боялась, как бы разго-

воры эти не дошли до чужих людей.

А дар у нее действительно был: угадывала она в травах целебную силу, наитием чувствовала, какие хвори чем нужно лечить. За наукой к дедушке одному ходила – к тому самому, что когда-то посоветовал соседу Фёдору перед уходом на фронт липу возле дома посадить.

Много времени проводила Люба в лесах, ночевала порой в самой глуши, ничего не боясь. Наверное, Иван Иванович еще тогда ее заприметил. А вышел, когда она, поскользнувшись на кочке, сломала косу и ногу. Не сразу вышел – только под вечер, когда Люба уже голос потеряла и из сил выбилась. Подхватил ее Иван Иванович с земли, положил на плечо – и отнес на лесную опушку, откуда видны были крыши домов и растущая на пригорке разлапистая сосенка...

* * *

В избе было тепло, почти жарко. В подтопке гудел огонь, раскалив докрасна чугунную дверцу; в открытом поддувале ало светились кубики углей. О чем-то бубнило висящее над столом радио; звеня, билась об оконное стекло большая муха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.